

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.2.03

УДК 355.02:316.347(470.4/.5)“1918”

ЭТНИЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1918 ГОДУ: ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И БОЕСПОСОБНОСТИ

Н.В. Подпрятков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Поступила: 30 мая 2022 г.

Одобрена: 2 июля 2022 г.

Принята к публикации: 20 сентября 2022 г.

Ключевые слова:

этнические части, Гражданская война, Красная армия, латышские полки, эстонские отряды, мусульманские формирования, добровольцы, коммунистическая партия

АННОТАЦИЯ

Исследуется деятельность советских органов государственного и военного руководства начального периода Гражданской войны по привлечению в армию нерусских народов, анализируются практики и институции системы призыва в Красную армию в регионах Поволжья и Урала, контролируемых центральной властью.

Цель работы – выявление специфики реализации этновоенной политики советского руководства в годы войны с помощью национальных воинских формирований, определение степени эффективности государственных мер по организации призыва в армию нерусского населения.

Исследование решает следующие задачи: дать сравнительный анализ взглядов партийного и военного руководства, регулировавших национально-военную политику в начальный период Гражданской войны; раскрыть особенности создания этнических формирований и опыта их боевого применения; проанализировать факторы, влиявшие на принятие решений в области управления представителями национальных меньшинств в вооруженных силах; определить роль общественных и политических институтов в привлечении народов Поволжья и Урала к армейской службе; исследовать на основе принципа объективности уровень реальной лояльности военнослужащих национальных частей Восточного фронта советской власти и коммунистической идеологии; выявить причины использования этих подразделений в качестве карательных структур в регионе.

Анализ практик начального периода Гражданской войны позволяет сделать вывод, что политика правительства по созданию этнических воинских частей, строившаяся на идеологических догмах, была недостаточно эффективной, противоречащей базовым принципам построения вооруженных сил. Однако партийное руководство проявило гибкость и способность отказаться от своих неработающих установок и использовать опыт предыдущих периодов, а вместо старых разрушенных структур военного управления создать новые. Очевидно, что это требовало времени и ресурсов.

© ПНИПУ

© **Подпрятков Николай Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9286-7466>, e-mail: podpriatov1961@yandex.ru.

© **Nikolai V. Podpriatov** – Doctor of Sciences in History, Docent, Professor, Department of Interdisciplinary Historical Research, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9286-7466>, e-mail: podpriatov1961@yandex.ru.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Вклад. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

ETHNIC RED ARMY UNITS ON THE EASTERN FRONT IN 1918: PROBLEMS OF MANNING AND COMBAT CAPABILITY

Nikolai V. Podpriatov

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 30 May 2022
Revised: 02 July 2022
Accepted: 20 September 2022

Keywords:

ethnic units, civil war, Red Army, Latvian regiments, Estonian units, Muslim formations, volunteers, communist party

ABSTRACT

The activities of the Soviet state and military authorities of the initial period of the Civil War aimed at involvement of non-Russian peoples to the army have been examined in the article. It is analyzed the practices and institutions of the Red Army conscription system in the Volga and Ural regions controlled by the central government.

The purpose of the work is to identify the specifics of implementation of the Soviet leadership ethno-military policy during the Civil War with the help of national military formations, to determine the degree of effectiveness of state measures to organize the recruiting of the non-Russian population into the army.

A number of problems has been solved by this study: conducting a comparative analysis of the views of the party and military leadership which regulated the national military policy during the initial period of the civil war; revealing the features of creation of the ethnic formations and the experience of their combat use; analyzing the factors influencing decision-making in the field of management of representatives of national minorities in the armed forces; identifying the role of public and political institutions in the process of involvement of the peoples from the Volga region and the Urals to the army service; on the basis of the principle of objectivity, the level of real loyalty to the Soviet government and communist ideology by the servicemen of the national units of the Eastern Front was investigated; the reasons of these units use as the punitive structures in the region were determined.

The analysis of the practices of the initial period of the civil war allows us to conclude that the government's policy of creating ethnic military units based on ideological dogmas was insufficiently effective contrary to the basic principles of building the armed forces. However, the party leadership showed flexibility and the ability to abandon its non-working installations and use the achievements and experience of previous periods, and instead of the old, destroyed structures of military administration new ones were created. All that required time, resources, and error correction.

© PNRPU

С марта 1918 года старая русская армия перестала существовать и была демобилизована. Большевикам была нужна своя армия, которую приходилось создавать фактически с нуля.

Руководители армии Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский считали, что «одним из условий мира (имелся в виду Брестский мир) является полная демобилизация нашей армии. Мы заменим ее всеобщим обучением всех поголовно с оружием» [1].

Поддерживали такую тактику и союзники большевиков в советском правительстве – левые эсеры, призывавшие защищать страну путем партизанского восстания [2, с. 30].

Однако все эти предположения были опрокинуты реалиями жизни практически сразу же. Повсеместно вспыхивали очаги вооруженного сопротивления советской власти и прямой гражданской войны. Нужна была сильная армия, правильно построенная и с крепкой дисциплиной.

Л.Д. Троцкий на пленуме Моссовета высказался за суровую революционную дисциплину и ограничение выборного начала (т.е. солдатских комитетов). Троцкого поддержали В.И. Ленин, Я.М. Свердлов и др.

Понимая, что всеобщую мобилизацию весной провести не удастся, партия решает «ограничиться введением всеобщего обязательного обучения военному делу и формированием боевых добровольческих отрядов» [3].

Опора при создании новой армии была сделана на добровольческие латышские, эстонские, финские части. Вызвано это было тем, что среди представителей этих народов были популярны социалистические идеи. Кроме того, после оставления прибалтийских губерний русской армией и оккупации их германскими войсками в глубине России оказалось большое ко-

личество беженцев, которым некуда было деваться, да и прожить в условиях общей анархии и развала всех госструктур было проблематично, поэтому они охотно вербовались в Красную армию. Не имея родственников и дружеских связей в российской глубинке, они точно и без лишних эмоций выполняли приказы, поэтому их использовали в качестве карательной силы.

Так, в марте в Москве разворачивается работа по созданию добровольческого латышского полка. В нем отменялись выборные начала командного состава, теперь он назначался большевистской ячейкой. Срок службы был установлен в 6 месяцев, а жалование в 300 рублей [4]. К концу месяца полк насчитывал до тысячи бойцов.

В этот период латышским отрядам поручались задачи по установлению и удержанию советской власти в регионах. 17 мая 1918 года восстание 600 красноармейцев в Саратове, потребовавших перевыборов Советов, подавляли спешно сколоченные отряды из рабочих и Саратовский латышский полк особого назначения [5; 6, с. 249–250].

Мятеж командующего Восточным фронтом Муравьева 10 июля 1918 года в Симбирске ликвидировали 1-й латышский полк Я. Тилле и Симбирская латышская рота Я. Звирбулиса [6, с. 276].

14 августа 1918 года мятеж в Царевококшайске подавлял 1-й Симбирский латышский революционный полк [7, с. 83].

3 сентября 1918 года Красноуфимский уездный ревком Пермской губернии создает отряд красноармейцев латышей при ЧК в 150 человек (председатель уездной ЧК латыш Голькен) [8, л.87; 9].

Отряды из латышей-беженцев создавались повсеместно. Так, в июле 1918 года на ст. Верещагино был организован добровольческий отряд из латышей. Их семьи испытывали страшную нужду, а в Красной армии давали паек и предоставлялось жилье. В августе 1918 года этот отряд уже насчитывал 360 человек и выступил на фронт воевать с белыми. Он был переброшен на ст. Шаля и принял участие в боях на р. Сылве. Впоследствии отряд был направлен на подавление крестьянского восстания в с. Сепыч против продотрядов [10, л.39 с об.].

В формирующемся в Перми 21-м Мусульманском полку команда пулеметчиков также состояла из латышей-фронтовиков [11, л.3 с об.; 12, л.8].

В середине июня в Екатеринбург прибывает 6-й Торошинский латышский полк. Пополненный местными рабочими отряд насчитывал 510 штыков, 17 пулеметов, 6 орудий, 65 сабель и 190 нестроевых солдат. Латышей в нем было 320 человек: 288 стрелков, 5 кавалеристов и 26 артиллеристов [13, л.148]. При отступлении 18 июля от станции Бердяуш на Михайловский завод полк был отрезан в районе станции Арасланово бронепоездом и артиллерией противника [14, с. 98]. В результате ожесточенного боя, в котором Торошинский полк потерял до 120 своих стрелков, в том числе и командира полка К. Герцберга, латышам удалось прорваться на станцию Кузино [15, л.9]. Командование остатками латышской части принял Ф. Фридрихсон. Однако отряды Красной армии стремительно отступали от Екатеринбурга. В этих условиях 20–21 июля торошинцы отказываются защищать Уткинский завод и самовольно отходят к ст. Кын. А когда 1 августа белые части окружили Лысьву и развернулись ожесточенные бои за Кын, латышское формирование при первом же соприкосновении с противником бросило фронт и стремительно побежало в тыл. Остатки латышского полка 30 августа были расформированы и отправлены в Арзамас для пополнения других частей [15, л.9].

В конце июля в Казань прибывает 5-й латышский полк в составе 507 стрелков, 19 пулеметов и тяжелой артиллерийской батареи. 5 и 6 августа полк участвовал в боях за город, где потерял больше половины своего состава [6, с. 284, 286].

Для формирующейся под Казанью в августе 1918 года 5-й армии прибывают три латышских полка – 1-й (командир Я. Тилле), 4-й (командир Я. Лацис) и 6-й, латышский кавалерийский полк и несколько латышских батальонов [16].

Хотя полки и были малочисленными (во всех трех полках насчитывалось около 1200 человек, а в кавалерийском всего 148 сабель, в артбатареях числилось 459 бойцов), именно они и составили костяк правобережной группы советских войск: в латышских формированиях находилось до двух третей всей численности данной группы [6, с. 290].

В Уфе создается латышский батальон численностью 436 человек под командованием Я. Райнфельда, который принял непосредственное участие в боях за город летом 1918 года и одним из последних отступил в сторону Сарапула, где впоследствии влился в состав 2-й армии в сводную дивизию В. Азина [6, с. 276, 279]. Если учесть, что на тот момент вся армия насчитывала 1780 стрелков, 70 артиллеристов, 150 кавалеристов и 100 пулеметчиков, то латышский батальон составил около 20 % всего личного состава.

Батальон вошел в состав 2-й сводной дивизии. В 4-м полку А.М. Чеверева один батальон считался латышским и насчитывал 436 стрелков (собственно латышей было около 200 человек, наряду с ними в него входили венгры, австрийцы, немцы, турки и китайцы) [17, с. 43]. В тяжелых боях с Ижевской народной армией полки стремительно редели. Так, только за один бой на Нылгенском направлении 3-й и 4-й полки потеряли убитыми около 400 человек [18].

В 1-ю сводную (Особую Вятскую) дивизию в сентябре включается 7-й латышский полк, насчитывавший 778 стрелков, 4 орудия, 12 пулеметов и отряд кавалерии [6, с. 280]. Латыши вели успешное наступление на Воткинск со стороны дер. Дебесы, закончившееся 11 ноября взятием города.

В конце июля из Петрограда в Пермь под командованием Н. Пулькиса прибывает 1-й Либавский латышский полк в составе 400 стрелков и 7 пулеметов. Здесь к нему присоединяется сформированный из эвакуированных 3-й Пермский латышский кавалерийский эскадрон, насчитывавший 54 человека [19, с. 65]. В августе полк вошел в состав 4-й Уральской дивизии на Красноуфимском участке фронта и в течение всей осени вел тяжелые бои. Так, 5 сентября две роты полка были отрезаны в районе Киргишан обходной колонной противника. Окруженные роты пробились к своим, потеряв половину личного состава и бросив часть обоза первого разряда и артиллерию [20, л. 35; 21, л. 8]. Отступление и постоянные бои в составе 3-й стрелковой дивизии уменьшили численность полка еще больше, и к январю 1919 года в нем оставалось лишь 120 бойцов [22, л. 50]. При этом 100 человек из них были коммунистами, в полку имелось полковое партийное бюро, суд, следственная комиссия и даже свой латышский театр [23, л. 98 об.].

Были отправлены на Восточный фронт летом 1918 года и формирования из других прибалтийских народов. Так, против чехословаков под Златоустом действовал Эстонский коммунистический отряд (в разных источниках называемый и полком, и батальоном) под командованием Я.К. Пальвадре, присланный из Петрограда и насчитывавший 524 штыка, 17 пулеметов и 37 сабель [24, л. 90].

В начале июня две роты этого батальона совместно с отрядом златоустовских рабочих под командованием И.М. Малышева быстро подавили мятеж рабочих на Кусинском заводе, а затем вели бои с наступающими белыми под Нязепетровском [13, л. 140-142].

В июле-августе 1918 года в Перми формируется особый отряд ЧК, в который вошла и рота финнов, набранная из числа беженцев. Рота насчитывала 200 бойцов, 3 пулемета и одну трехдюймовую пушку. Командиром ее был назначен Равелин, а впоследствии У. Мальмберг. Финская рота неоднократно принимала участие в подавлении крестьянских восстаний в с. Ве-

рещагино, Голубянка, в г. Усолъе. В октябре 1918 года эта рота совместно с латышским конным отрядом на пароходе «Меркатор» спустилась вниз по р. Каме и подавила мятеж в г. Осе [25, с. 189–190]. Вскоре после этих событий отряд был отозван в Петроград [13, л. 160].

В сентябре из Петрограда в Пермь прибывает рота финнов в 230 человек во главе с Ф. Ринне. В составе 2-го Горного полка эта рота участвовала в боях на Кунгурском направлении в ноябре 1918 года [25, с. 189].

Из Финского отряда ВЧК в Москве в середине июня 1918 года было выделено 4 роты (батальон) под командованием С.П. Чернова, которые отправили на Восточный фронт. Этот отряд общей численностью 430 человек был включен в Инзенскую дивизию 1-й армии, что составило на тот момент примерно четверть всего личного состава данной дивизии [26, с. 60].

Являясь самыми надежными и преданными частями Восточного фронта, прибалтийские национальные формирования нередко, однако, вступали в конфликты с командованием, совершали преступления, мародерствовали.

В середине июня 1918 года стрелки 4-го латышского полка устроили грабеж гостиницы «Бремен», расположенной в Сызрани, и расхищение спирта с винного склада. Пьянство и отсутствие элементарной воинской дисциплины стали одной из причин их бегства из города и сдачи его противнику без боя [27, с. 15].

Вырвавшийся из-под Сызрани полк вышел к Инзе. Здесь 21 июля общее собрание полка отказалось выполнять приказ командующего фронтом И. Вацетиса о немедленном наступлении на Симбирск и постановило уйти в глубокий тыл на отдых. Весь командный состав полка подал заявления об отказе от занимаемых должностей [28; 29, с. 102].

Находившийся на Восточном фронте для наведения порядка и укрепления дисциплины Л. Троцкий приказал арестовать председателя полкового комитета А. Озолина и командира полка Я. Саулита и отдать их под суд. За латышей вступился Я. Свердлов, просивший пойти на уступки, но все было тщетно. Наконец, 27 ноября специальным решением ЦК партии распоряжение Троцкого было отменено, и латыши были освобождены [30, л. 29, 32, 33, 37].

Имели место и прямое предательство, и переход на сторону врага. При падении Казани чехам сдалась часть 5-го Земгальского латышского полка, порядка 137 человек, во главе с командиром полка Я. Бриедисом [31]. На общем собрании полка 16 августа стрелки приняли резолюцию, в которой объявляли об отказе принимать активное участие в гражданской войне, а также обратились ко всем остающимся в рядах армии латышам с призывом прекратить борьбу [32]. Остатки полка, примерно 220 человек, вывел на соединение с Красной армией Я. Грегор, который и стал новым командиром полка [33]¹.

В 1-м латышском революционном полку Я. Зариня (сформирован на базе Симбирского латышского отряда) после казанских боев осталось всего 120 стрелков. В октябре полк был расформирован [6, с. 286].

В середине июня латыши, входившие в архангело-зилимский партизанский отряд (восточнее Уфы) в количестве 56 человек во главе со своим командиром Я. Шмидтом, подняли белый флаг и сдались белогвардейцам [34, с. 166–167].

Во время ноябрьского наступления 3-й армии под Молебкой полк им. И. Малышева, усиленный эстонским батальоном, предпринял успешное наступление. Но поддерживающая их 4-я бригада не сдвинулась с места из-за разногласий с латышами. В результате образовался разрыв фронта шириной в 15 верст, чем не замедлили воспользоваться Сибирские части. Удар

¹ С этим полком Я. Грегор прошел всю Гражданскую войну, успешно воевал под Петроградом против Юденича, за что был награжден орденом Красного Знамени. Сам полк за эти бои получил второе Красное Знамя. Однако после войны Грегор уехал в Латвию, был учителем. А в годы Великой Отечественной войны активно сотрудничал с гитлеровцами, но был расстрелян ими осенью 1944 г. за попытку поднятия мятежа и объявления Латвии независимой.

в образовавшуюся брешь был настолько сильным, что три роты красных были разбиты полностью, а в оставшихся насчитывалось по 20–30 человек. От финской роты 2-го Горного полка, насчитывавшей 230 бойцов, в живых осталось только 50 стрелков [25, л. 189, 190].

В январе 1919 года в 1-м Либавском латышском стрелковом полку возник конфликт между командованием и стрелками. В результате командир полка был исключен из партии «за отрыв от массы», и красноармейцы потребовали снять его с должности [23, л. 98 с об.].

Изменение политической ситуации в мире (окончание мировой войны) и разворачивание боевых действий на западе потребовали переброски латышских, эстонских, финских частей на Западный фронт. За короткий период с ноября 1918 года были переброшены все остававшиеся здесь национальные части и весь командный и политический состав этих национальностей.

Таким образом, латышские, финские, эстонские, финские части и подразделения (как и китайские, венгерские и др.) нередко становились ядром воинских формирований, вокруг которых создавались и другие части Красной армии. Именно они помогли укрепить фронт Красной армии на востоке.

Однако сами прибалтийские части не могли решить проблему создания регулярной массовой армии. Тем более, что все они создавались на добровольческой основе. Нужен был общий призыв, мобилизация. 22 апреля 1918 года Я. Свердлов подписывает декрет ВЦИК об обязательном всеобщем военном обучении [35], а 29 мая декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» [36]. Проблема, однако, заключалась в том, что еще не были созданы органы учета и обеспечения призыва – их надо было организовать. «Для того чтобы перейти от режима добровольчества к режиму обязательной воинской повинности, необходим военно-административный аппарат по учету наличного состава сил...», – говорил Л. Троцкий на заседании ВЦИК в апреле 1918 года [37]. V съезд Советов в июле 1918 года узаконил процесс создания военкоматов как органов местного военного управления [38].

Но так как старые органы были ликвидированы, а новые еще требовалось создать, то возник реальный вакуум власти в самой армии. Так, до революции призывные списки готовили церковные учреждения на основании метрических книг, но советская власть не просто объявила об отделении церкви от государства, но и предприняла массовые репрессивные действия в отношении служителей культа. Таким образом, сама власть лишилась первичной информации о потенциальных призывниках, и нужно было создавать свои, новые органы управления, которые бы отвечали за документацию граждан от их рождения до смерти. В связи с этим и появляются различные структуры, призванные обеспечить призыв в армию всех контингентов населения.

Повсеместно создаются не только военные комиссариаты, но и национальные военные органы, призванные привлечь в армию нерусское население страны. 17 января 1918 года в Москве был создан комиссариат по делам мусульман внутренней России и Сибири во главе с М.Н. Вахитовым [39, с. 58, 59].

В скором времени мусульманские комиссариаты существовали уже в Казани, Уфе, Перми, Саратове, Златоусте, Елабуге, Оренбурге, Чистополе, Челябинске, Нижнем Новгороде, Сарапуле и в других городах. Кроме того, мусульманские отделы этих комиссариатов имелись в уездах [40, л. 49].

В Оренбурге 23 января 1918 года создается мусульманский комитет, поставивший своей целью в контакте с Военно-революционным комитетом распространять идеи большевизма среди мусульман [41, л. 129, 130; 42]. В начале февраля образуется мусульманский военно-революционный комитет партии большевиков Мусульманского военного комитета (Харби Шуру), Уфимского мусульманского отряда и казачьей организации мусульман [43].

В Перми 29 апреля 1918 года согласно постановлению губернского съезда представителей татаро-башкирских трудящихся организуется окружной комиссариат по мусульманским делам, состоящий из четырех человек [44]. Созданный комиссариат образовал соответствующие отделы в уездах и волостях, которые немедленно приступили к организации красноармейских отрядов. Так, при Осинском штабе, а впоследствии военкомате, создаются специальные летучие отряды по формированию Красной армии среди татаро-башкирского населения уезда. Кроме того, в Осе открываются курсы агитаторов для мусульман [45, л. 27 с об., 30].

В феврале Центральный мусульманский комиссариат вышел с ходатайством в советское правительство о разрешении приступить к формированию мусульманских частей. Обсудив этот вопрос, коллегия Наркомнаца 15 февраля посчитала «допустимым образование национальных отрядов Советской Армии, но лишь на территории данной национальности» [46, с. 163]. А ЦК РКП(б) в своем постановлении «О партийной работе в Красной Армии» подчеркивал «недопустимость национального раздробления армии, могущего привести к национальным трениям среди красноармейцев» [47, л. 6].

Проведение мобилизации и всеобщего военного обучения (всевобуч) вызвало резкое неприятие у населения. Повсеместно вспыхивали мятежи, восстания. Так, в начале июля в Пермской губернии Билярское народное собрание отказалось образовывать военный комиссариат из-за несогласия с проведением всевобуча. То же самое сообщали и из Бымовской волости [48, л.143,144].

В июле в Красноуфимском и Шадринском уездах Пермской губернии вспыхнули восстания среди призывников башкир, и мобилизация была сорвана [48, л. 155]. В середине мая вспыхивает восстание мобилизованных в Саратове [5]. Ряд крупных выступлений против призыва в армию прокатились летом 1918 года по чувашским селам [49, л. 21].

Восстания охватили весь Волго-Уральский регион и практически сорвали мобилизацию. Поэтому в этих условиях большевики вынуждены были продолжать опираться на добровольческие формирования, созданные из числа коммунистов и сочувствующих им. Часть таких подразделений формировалась по этническому признаку и включала отряды Красной гвардии, созданные в ходе революции и установления советской власти на местах зимой 1917–1918 годов.

В Москве в конце апреля 1918 года военный отдел Центрального мусульманского комиссариата (ЦМК) преобразуется в Центральную мусульманскую военную коллегия (ЦМВК) из шести человек во главе с М.Н. Вахитовым.

На коллегия возлагались задачи «содействовать Наркомату по военным делам в создании могучей пролетарской революционной армии» в районах с преобладающим мусульманским населением [50, с. 95].

Совнарком и мусульманский комиссариат издали воззвание «Ко всем трудящимся мусульманам», подписанное В. Лениным и М. Вахитовым, призывавшее всех трудящихся вступить в ряды Красной армии [51, с. 106, 107].

Создание красноармейских мусульманских дружин началось по всей территории, где было восстание чехословацкого корпуса. В Казани к концу апреля формируется мусульманская дружина, развернутая в мае в 1-й мусульманский социалистический полк до тысячи человек. Командиром полка был избран Н.Н. Алимов, которому удалось даже набрать музыкантскую команду [52, с. 62].

7 июня в Самаре организуется мусульманская отдельная рота [53]. Сюда же прибыл из Уфы мусульманский отряд численностью до 600 человек [54, с. 27]. Отряд в течение шести дней вел бои против чехов на подступах к городу, а затем отошел в Самару, где ворвавшиеся в город чехи убили командира отряда Г. Алеева [55, л. 205 с об.; 56, л. 4, 5].

На Златоустовском фронте в июне действовал мусульманский отряд в 85 человек [24, л. 90].

В начале августа из Москвы в Казань в качестве охраны ЦМВК прибывает татарский отряд из 45 бойцов во главе с М. Вахитовым [57, с. 45].

Во время отступления партизанских отрядов В. Блюхера по горному Уралу в них также вливались местные отряды татар и башкир. Так, 2-й батальон Богоявленского полка был сформирован из боевиков сел Зилим и Красный Яр. Из местных жителей в этом батальоне образуется кавалерийская сотня, состоящая почти целиком из башкир [58, с. 251]. Сравнительный анализ позволяет предполагать, что мусульмане в этом полку составляли около 60 % всего личного состава [23, л. 98].

В отряде И.Д. Каширина, преобразованном впоследствии в Верхнеуральский полк, находился татаро-башкирский отряд Ахуновских партизан К. Валиева общей численностью около 300 человек [59, с. 340, 341].

В 4-й армии в Новоузенской дивизии вел бои на Уральском участке фронта татарский полк численностью 1210 человек [29, с. 126, 127]. В боях за Казань в августе 1918 года приняли участие отряд М. Вахитова и мусульманский социалистический полк. В результате полного разгрома эти формирования были частью рассеяны, частью уничтожены и прекратили свое существование, а сам М. Вахитов погиб [57, с. 45].

После падения Казани ЦМВК прекратила свое существование и возобновила деятельность в Москве только 20 ноября 1918 года (Приказ РВСР № 276) [60, с. 83].

Осенью началось формирование новых национальных мусульманских частей. В Казани сначала формируется 1-й мусульманский коммунистический батальон, а затем он сливается с 1-м татаро-башкирским батальоном, образовав 2-й мусульманский стрелковый полк численностью свыше тысячи человек. Под командованием И.П. Крупенникова полк вошел в состав 4-й Петроградской дивизии и был направлен на Ижевский участок фронта.

Однако часть оказалась крайне неустойчивой: красноармейцы стали дезертировать еще в пути следования на передовую. В бою под Ижевском 6 ноября весь личный состав полка панически бежал в тыл, практически без всякого огневого воздействия со стороны противника, бросив всю артиллерию, пулеметы и почти все винтовки, многие красноармейцы татары совершали самострелы. После этого полк был расформирован [61, с. 99].

В Перми мусульманский комиссариат формирует социалистическую роту численностью 187 человек под командованием Атнагулова. Затем здесь же была сформирована еще одна добровольческая мусульманская рота, 2-я, численностью в 150 человек. Обе роты были отправлены в с. Частые, где вошли в состав Особого отряда Ю.Ю. Аплока для борьбы с рабочими-повстанцами ижевско-воткинских заводов [15, л. 19; 62, л. 32, 75; 63, л. 172-175].

Отряды эти были влиты в 1-й и 2-й Камские полки. 8 сентября Аплом докладывал, что «мусульмане во вчерашнем бою оказались ненадежными, но наши части приведены в порядок, дезертиры безжалостно расстреливаются» [20, л. 44, 45]. Фактически отряды, составленные исключительно из коммунистов и сочувствующих им, разбежались после первого же боевого столкновения и прекратили свое существование.

С отправкой на фронт 1-го батальона в сентябре разворачивается активная деятельность по формированию новых рот. Так, только за один день 3 сентября Кизеловский районный военкомат мобилизовал 10 мусульман [64, л. 197 с об.].

С образованием 3-й армии Пермский окружной комиссариат по делам мусульман становится подотделом Управления особых формирований при армии. Во главе этого военного отдела избирается коллегия из двух лиц: Х. Мавлютова и Брундукова [63, л. 172-175; 65, с. 182-188].

В Перми в сентябре приступают к формированию 21-го мусульманского полка. Мусульманский подотдел отправлял для его формирования рабочие и партизанские отряды из коммунистов и советских работников. Полк состоял из трех батальонов трехротного состава каждый. Командиром был назначен А.Н. Семчин, комиссаром Г.А. Контуганов. Формирование было направлено на фронт в район Чусового [66, л. 83; 67, л. 62], где полк понес огромнейшие потери: были фактически полностью разбиты 1-й и 3-й батальоны и 6-я рота 2-го батальона, от которых в строю осталось только 98 бойцов [66, л. 42]. Мобилизованные в полк (до 600 человек) в одиночку и целыми группами разбегались или переходили на сторону врага [68, л. 222]. Несмотря на большое число коммунистов в полку (234 человека), дезертирству и членовредительству оказались подвержены и командиры. Так, командир 6-й роты проколол себе руку штыком, а секретарь партийной ячейки 2-й роты выстрелил себе в конечность [69, л. 172, 173]. К началу следующего 1919 года в полку осталось всего 300 человек, при этом командный состав не пользовался никаким авторитетом у солдат [68, л. 222].

5 августа в Орске проходит собрание-митинг рабочих и трудящихся мусульман, которое постановило обязательное вступление в рабочие боевые отряды всех без исключения [70]. Штаб фронта разрешил эти формирования. Орский мусульманский батальон влился в 28-й Уральский полк, а конная мусульманская часть получила название «Дикой дивизии», которая насчитывала всего 65 человек [71].

После оставления Оренбурга и Орска в июле 1918 года и отхода красноармейских отрядов в Актюбинск происходит переформирование частей. В результате татары и башкиры были слиты в один батальон в Интернациональном полку [72, л. 13-15].

К зиме 1918–1919 годов в рядах армий Восточного фронта оставались только 1-й мусульманский полк 4-й армии и остатки 21-го мусульманского полка 3-й армии.

Таким образом, основными нацформированиями Красной армии в этот период оказались добровольческие части. Однако опора на них в это время для коммунистов оказалась вынужденной мерой из-за отсутствия отлаженной системы призыва и т.д., но отнюдь не планом построения армии. Кроме того, население в подавляющей своей массе не горело желанием воевать ни на стороне красных, ни на стороне белых, да и вообще воевать, и уклонялось от службы всеми доступными способами.

Летом-осенью 1918 года большевикам, хотя и с трудом, но удалось создать централизованные структуры по формированию и управлению национальными воинскими частями.

При Наркомате по военным делам на правах отдела была учреждена ЦМВК, которая через Управление особых формирований при армиях Восточного фронта руководила процессом создания, обучения мусульманских частей, проводила в них политическую работу, обеспечивала кадрами агитаторов и соответствующей литературой. Кроме того, при Наркомнаце образуются национальные комиссариаты и отделы. Вели политическую работу с бойцами нерусской национальности и партийные организации Красной армии, созданные осенью 1918 года.

Все эти органы были вспомогательными и не играли определяющей роли в организации призыва в войска, но, несомненно, помогали снизить процент уклоняющихся от военной службы, повысить степень лояльности народов России к советской власти.

В результате кровопролитных боев прибалтийские части, не имея естественных источников пополнения в данных регионах, быстро редели, а к концу года и вовсе были сняты с Восточного фронта. Также быстро растворялись национальные подразделения и местных народов Поволжья и Урала.

Строительство армии строго на идеологических основах, из числа коммунистов и сочувствующих им, закономерно провалилось. Носящие громкие названия «социалистических,

«коммунистических» и прочих подразделения и части, в том числе и созданные по этническому принципу, оказались абсолютно неустойчивыми и нередко бросали фронт самими первыми. Боевую стойкость демонстрировали те части, в которых был высок процент старых офицерских кадров, имевших опыт службы в императорской армии. Стойкость же прибалтийских частей была относительной, так как они действовали в Поволжье и на Урале в чуждой для них языковой и культурной среде. Не выявляется среди них и особой коммунистической идейности. Чаще всего это были типичные этнические сепаратисты, выступавшие за реализацию ленинского принципа права наций на самоопределение, а также люди, пытавшиеся выжить в условиях всеобщего хаоса и беспорядка, примыкая то к одной, то к другой стороне.

Об этом впоследствии свидетельствуют действия, например, латышских и эстонских частей на территориях своих соплеменников, отличавшихся массовым дезертирством и провалами, а также судьба многих «истинных и преданных» членов партии, многократно награжденных советским правительством, но в дальнейшем истово служивших и своим «буржуазным» правительствам, и даже третьему рейху, активно воюя с Советским государством и строем.

К концу 1918 года наметилось ограничение полномочий национальных структур в области военного строительства. Национальные комиссариаты и отделы были жестко подчинены Наркомнацу и лишены финансовой и политической самостоятельности. Те же процессы происходили и в армии. Сфера деятельности ЦМВК в 1919 году была сужена до проведения культурно-просветительной и политической работы в частях из мусульман, но не формирования их.

Список литературы

1. Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. – М., 1918. – 5 марта.
2. Троцкий Л. Труд, дисциплина, порядок спасут социалистическую советскую республику. Доклад на Московской городской конференции Российской коммунистической партии 28 марта 1918 г. – Пд.: Коммунист, 1919. – 32 с.
3. Правда.– М., 1918. – 23 марта.
4. Новый день. – Пг., 1918. – 12 апреля.
5. Свобода России. – М., 1918. – 24 мая.
6. История латышских стрелков (1915–1920). – Рига: Зинатне, 1972. – 789 с.
7. Дмитриев Т.А. Царевококшайск в 1918 году // За власть Советов: сб. воспоминаний участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. 1918–1920 гг. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978. – 248 с.
8. Красноуфимский филиал государственного архива Свердловской области (Крф ГА-СО). Ф.р-6. Оп.1. Д.6.
9. Иркутский стрелок. – Красноуфимск, 1919. – 2 мая.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.2. Д.187.
11. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р-1689. Оп.1. Д.163.
12. ГАПК. Ф.р-1666. Оп.1. Д.236.
13. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф.90. Оп.17. Д.7.
14. Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году. – Уфа: Башкирское гос. изд-во, 1933. – 112 с.
15. ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.17. Д.5.
16. Народное дело. – Оренбург, 1918. – 2 августа.

17. Ренев Е.Г. Латышские стрелки и подавление Ижевского антибольшевистского восстания // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2011. – № 4. – С. 40–48.
18. Свободная Пермь. – Пермь, 1919. – 13 марта.
19. Копылов Н.А. Латышские стрелки в первых боях на Восточном фронте: Урал и Прикамье // Гражданская война на Урале: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кунгур, 7–8 октября 2011 г.) / АНО «Историко-архивный музейный центр “РЕТРОспектива”». – Пермь, 2011. – С. 62–66.
20. ЦДООСО. Ф.41. Оп.2. Д.365.
21. ЦДООСО. Ф.41. Оп.1. Д.111.
22. ЦДООСО. Ф.41. Оп.2. Д.367.
23. ЦДООСО. Ф.41. Оп.2. Д.358.
24. ЦДООСО. Ф.41. Оп.2. Д.361.
25. Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. – Л.: Лениздат, 1969. – 224 с.
26. Наумов Е.О. Финские и венгерские подразделения 1-й армии Восточного фронта во второй половине 1918 года: проблема формирования и особенности участия в боевых действиях // Финно-угорский мир. – 2015. – № 4. – С. 59–65.
27. Наумов Е.О. Оформление военно-организационной структуры 1-й армии Восточного фронта в годы Гражданской войны // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 12–21.
28. Армия и народ. – Уфа, 1918. – 20 сентября.
29. Медведев Е.И. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 году / Куйбышев. ин-т усовершенствования учителей. – Куйбышев, 1959. – 206 с.
30. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф.17. Оп.4. Д.99.
31. Армия и народ. – Уфа, 1918. – 7 сентября.
32. Ижевский защитник. – Ижевск, 1918. – 23 августа.
33. Дневник расстрелянного офицера // Латышские стрелки: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://latvjustrelnieki.lv/ru/ljudi-98761/gregor-jan-111917/dnevnik-rasstreljannogo-ofitsera-139171> (дата обращения: 31.01.2022).
34. Барышев Л.В. Красный Зилим // За власть Советов: сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Башкирии. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1961. – С. 166–167.
35. Декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» 22 апреля 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
36. Декрет ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» 29 мая 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_290.htm (дата обращения: 26.01.2022).
37. Известия ВЦИК. – М., 1918. – 23 апреля.
38. Постановление Пятого Всероссийского съезда Советов об организации Красной Армии. 10 июля 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-07-10.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
39. Песикина Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. – М.: Изд-во АОН при ЦК ВКП(б), 1950. – 156 с.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1318. Оп.1. Д.77.

41. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГА ОО). Ф.7924. Оп.1. Д.216.
42. Известия Оренбургского военно-революционного комитета. – Оренбург, 1918. – 25 января.
43. Известия Оренбургского ВРК. – Оренбург, 1918.– 15 февраля.
44. Известия Пермского окружного Исполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов. – Пермь, 1918. – 3 мая.
45. ГАПК. Ф.358. Оп.1. Д.22.
46. Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. 1917-1920. – М.: ГИЗ, 1920. – 185 с.
47. РГА СПи. Ф.17. Оп.65. Д.4.
48. ГАПК. Ф.р-29. Оп.1. Д.407. Т.2.
49. РГА СПи. Ф.70. Оп.3. Д.853.
50. Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. – М.: Центрполиграф, 2021. – 637 с.
51. Алмаева Л.М. Деятельность большевиков Южного Урала по осуществлению ленинской национальной политики в 1917–1920 гг. // Некоторые вопросы партийного руководства революционным движением и социалистическим строительством. – Челябинск: Изд-во Челяб. пед. ин-та, 1969. – С. 94–113.
52. Лысенко Ю.А. Формирование национальных подразделений Красной армии Степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Народы и религии Евразии. – 2018. – № 3 (16). – С. 59–75.
53. Уральская жизнь. – Екатеринбург, 1918. – 12 июня.
54. Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне Гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917–1920 годах). – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1997. – 92 с.
55. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГА СПи). Ф.п-1. Оп.10. Д.10.
56. СОГА СПи. Ф.п-3500. Оп.1. Д.228.
57. Исхаков В.М. Мулланур Вахитов. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. – 56 с.
58. Ковшов В.Д. Незабываемое // За власть Советов: сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Башкирии. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1961. – 372 с.
59. Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1966. – 484 с.
60. Приказ РВСР № 276 // Сборник приказов Революционного военного совета Республики за 1918 г. – б.м., 1918. – С. 83.
61. Вторая армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 216 с.
62. ПермГАСПи. Ф.90. Оп.17. Д.36.
63. ЦДОО СО. Ф.41. Оп.4. Д.525.
64. ГАПК. Ф.р-793. Оп.1. Д.1.
65. Упрочение Советской власти в Пермской губернии. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1966. – 432 с.
66. ПермГАСПи. Ф.90. Оп.17. Д.39.
67. ПермГАСПи. Ф.90. Оп.17. Д.42.

68. ЦДОО СО. Ф.41. Оп.2. Д.399.
 69. ЦДОО СО. Ф.41. Оп.2. Д.375.
 70. Известия Орского Совета Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов. – Орск, 1918. – 14 августа.
 71. Оренбургский край. – Оренбург, 1918. – 2 октября.
 72. ОГА ОО. Ф.7924. Оп.1. Д.189.

References

1. Rabochaia i Krest'ianskaia Krasnaia Armiia i Flot [Workers' and Peasants' Red Army and Navy]. Moscow, 1918, 5 marta.
2. Trotskii L. Trud, distsiplina, poriadok spasut sotsialisticheskuiu sovetskuiu respubliku [Labor, discipline, order will save the socialist Soviet republic]. *Doklad na Moskovskoi gorodskoi konferentsii Rossiiskoi kommunisticheskoi partii 28 marta 1918 g.* Petrograd, Kommunist, 1919, 32 p.
3. *Pravda*. Moscow, 1918, 23 marta.
4. *Novyi den'*. Petrograd, 1918, 12 apreliia.
5. *Svoboda Rossii*. Moscow, 1918, 24 maia.
6. Istoriiia latyshskikh strelkov (1915 – 1920) [History of the Latvian Riflemen (1915 - 1920)]. Riga, Zinatne, 1972, 789 p.
7. Dmitriev T.A. Tsarevokokshaisk v 1918 godu [Tsarevokokshaysk in 1918]. *Za vlast' Sovetov. Sbornik vospominanii uchastnikov Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii i grazhdanskoi voiny. 1918-1920 gg.* Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 248 p.
8. *Krasnoufimskii filial gosudarstvennogo arkhiva Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO)*, f. r-6, op. 1, d. 6.
9. *Irkutskii strel'ok*. Krasnoufimsk, 1919, 2 maia.
10. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti*, f. 41, op. 2, d. 187.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK)*, f. r-1689, op. 1, d. 163.
12. *GAPK*, f. r-1666, op. 1, d. 236.
13. *Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGASPI)*, f. 90, op. 17, d. 7.
14. *Kulatskie vosstaniia v Bashkirii v 1918 godu* [Kulak uprisings in Bashkiria in 1918]. Ufa, Bashkirskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1933, 112 p.
15. *PermGASPI*, f. 90, op. 17, d. 5.
16. *Narodnoe delo*. Orenburg, 1918, 2 avgusta.
17. Renev E.G. Latyshskie strelki i podavlenie Izhevskogo antibol'shevistskogo vosstaniia [Latvian shooters and the suppression of the Izhevsk anti-Bolshevik uprising]. *RUDN Journal of Russian History*, 2011, no. 4, pp.40-48.
18. *Svobodnaia Perm'*. Perm', 1919, 13 marta.
19. Kopylov N.A. Latyshskie strelki v pervykh boiakh na Vostochnom fronte: Ural i Prikam'e [Latvian riflemen in the first battles on the Eastern Front: the Urals and the Kama region]. *Grazhdanskaia voina na Urale: Proceedings of the 2th International Scientific and Practical Conference (g.Kungur, 7-8 oktiabria 2011g.)*. Perm', Avtonomnaia nekommercheskaia organizatsiia «Istoriko-arkhivnyi muzeinyi tsentr «RETROSpektiva»», 2011, pp. 62-66.
20. *TsDOOSO*, f. 41, op. 2, d. 365.
21. *TsDOOSO*, f. 41, op. 1, d.111.
22. *TsDOOSO*, f. 41, op. 2, d. 367.
23. *TsDOOSO*, f. 41, op. 2, d. 358.
24. *TsDOOSO*, f. 41, op. 2, d. 361.
25. Koronen M.M. Finskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov [Finnish internationalists in the struggle for Soviet power]. Leningrad, Lenizdat, 1969, 224 p.
26. Naumov E.O. Finskie i vengerskie podrazdeleniia 1-i armii Vostochnogo fronta vo vtoroi polovine 1918 goda: problema formirovaniia i osobennosti uchastii v boevykh deistviiakh [Finnish and Hungarian units of the 1st Army of the Eastern Front in the second half of 1918: the problem of formation and features of participation in hostilities]. *Finno-Ugorskii Mir*, 2015, no. 4, pp. 59 – 65.
27. Naumov E.O. Oformlenie voenno-organizatsionnoi struktury 1-i armii Vostochnogo fronta v gody grazhdanskoi voiny [Formation of the military organizational structure of the 1st Army of the Eastern Front during the Civil War]. *Mordovia University Bulletin*, 2014, no. 3, pp. 12-21.
28. *Armiia i narod*. Ufa, 1918, 20 sentiabria.
29. Medvedev E.I. Grazhdanskaia voina i voennaia interventsii na Srednei Volge v 1918 godu [Civil war and military intervention on the Middle Volga in 1918]. Kuibyshev, Izdanie Kuibyshevskogo instituta usovershenstvovaniia uchitelei, 1959, 206 p.
30. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGA SPI)*, f.17, op.4, d.99.
31. *Armiia i narod*. Ufa, 1918, 7 sentiabria.
32. *Izhevskii zashchitnik*. Izhevsk, 1918, 23 avgusta.
33. *Dnevnik rasstrel'annogo ofitsera* [Diary of a shot officer]. *Latyshskie strelki*, available at: <http://latjustrelnieki.lv/ru/ljudi-98761/gregor-jan-111917/dnevnik-rasstreljannogo-ofitsera-139171> (accessed 31 January 2022).
34. Baryshev L.V. Krasnyi Zilim [Red Zilim]. *Za vlast' Sovetov. Sbornik vospominanii uchastnikov Oktiabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoi voiny v Bashkirii*. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, pp. 166 – 167.
35. Dekret Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta «Ob obiazatel'nom obuchenii voennomu iskusstvu» 22 apreliia 1918 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On compulsory training in military art" April 22, 1918], available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22.htm> (accessed 26 January 2022).
36. Dekret Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta «O prinuditel'nom nabore v Raboche-Krest'ianskuiu Krasnuiu Armiiu» 29 maia 1918 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On forced recruitment into the Workers 'and Peasants' Red Army" May 29, 1918], available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_290.htm (accessed 26 January 2022).
37. *Izvestia Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta*. Moscow, 1918, 23 apreliia.
38. Postanovlenie Piatogo Vserossiiskogo s'ezda Sovetov ob organizatsii Krasnoi Armii. 10 iulia 1918 g. [Resolution of the Fifth All-Russian Congress of Soviets on the organization of the Red Army. July 10, 1918], available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-07-10.htm> (accessed 26 January 2022).

39. Pesikina E.I. Narodnyi komissariat po delam natsional'nostei i ego deiatel'nost' v 1917-1918 gg. [People's Commissariat for Nationalities and its activities in 1917-1918]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii obshchestvennykh nauk pri Tsentral'nom Komitete Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii bol'shevikov, 1950, 156 p.
40. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, f. 1318, op. 1, d. 77.
41. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (OGA OO)*, f. 7924, op. 1, d. 216.
42. *Izvestiia Orenburgskogo voenno-revoliutsionnogo komiteta*. Orenburg, 1918, 25 ianvaria.
43. *Izvestiia Orenburgskogo voenno-revoliutsionnogo komiteta*. Orenburg, 1918, 15 fevralia.
44. Izvestiia Permskogo okruzhnogo Ispolkoma Sovetov Rabochikh, Krest'ianskikh i Armeiskikh Deputatov [Proceedings of the Perm District Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants' and Army Deputies]. Perm', 1918, 3 maia.
45. *GAPK*, f. 358, op. 1, d. 22.
46. Politika Sovetskoi vlasti po natsional'nomu voprosu za tri goda. 1917-1920 [The policy of the Soviet government on the national question for three years. 1917-1920]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920, 185 p.
47. *RGA SPI*, f. 17, op. 65, d. 4.
48. *GAPK*, f. r-29, op. 1, d. 407, t. 2.
49. *RGA SPI*, f. 70, op. 3, d. 853.
50. Bezugol'nyi A.Iu. Natsional'nyi sostav Krasnoi armii. 1918–1945. Istoriko-statisticheskoe issledovanie [Bezugolny A.Yu. National composition of the Red Army. 1918–1945 Historical and statistical research]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2021, 637 p.
51. Almaeva L.M. Deiatel'nost' bol'shevikov luzhnogo Urala po osushchestvleniiu leninskoi natsional'noi politiki v 1917-1920 gg. [The activities of the Bolsheviks of the Southern Urals in the implementation of the Leninist national policy in 1917-1920]. *Nekotorye voprosy partiinogo rukovodstva revoliutsionnym dvizheniem i sotsialisticheskim stroitel'stvom*. Cheliabinsk, Cheliabinskii pedagogicheskii institut, 1969, pp. 94-113.
52. Lysenko Iu.A. Formirovanie natsional'nykh podrazdelenii krasnoi armii Stepnogo kraia i Turkestana v period grazhdanskoj voiny (1918-1922 gg.) [Formation of national divisions of the Red Army of the Steppe Territory and Turkestan during the civil war (1918-1922)]. *Nations and Religions of Eurasia*, 2018, no. 3 (16), pp. 59 – 75.
53. *Ural'skaia zhizn'*. Ekaterinburg, 1918, 12 iunija.
54. Kabytova N.N., Kabytov P.S. V ogne grazhdanskoj voiny (Samarskaia guberniia v kontse 1917-1920 godakh) [In the fire of the civil war (Samara province at the end of 1917-1920)]. Samara, Samarskii universitet, 1997, 92 p.
55. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGA SPI)*, f.p-1, op.10, d.10.
56. *SOGA SPI*, f. p-3500, op. 1, d. 228.
57. Iskhakov V.M. Mullanur Vakhitov [Mullanur Vakhitov]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958, 56 p.
58. Kovshov V.D. Nezabyvaemoe [Unforgettable]. *Za vlast' Sovetov. Sbornik vospominanii uchastnikov Oktjabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoj voiny v Bashkirii*. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 372 p.
59. Aminev Z.A. Oktjabr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Bashkirii [October socialist revolution and civil war in Bashkiria]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 484 p.
60. Prikaz Revoliutsionnogo voennogo soveta Respubliki № 276 [Order of the Revolutionary Military Council of the Republic No. 276]. *Sbornik prikazov Revoliutsionnogo voennogo soveta Respubliki za 1918 g.*, 1918, 83 p.
61. Vtoraia armiiia v boiakh za osvobozhdenie Prikam'ia i Priural'ia. 1918–1919. Dokumenty [The second army in the battles for the liberation of the Kama and Urals. 1918–1919 The documents]. Ustinov, Udmurtiia, 1987, 216 p.
62. *PermGASPI*, f. 90, op. 17, d. 36.
63. *TsDOO SO*, f. 41, op. 4, d. 525.
64. *GAPK*, f. r-793, op. 1, d. 1.
65. Uprochenie Sovetskoi vlasti v Permskoi gubernii [Consolidation of Soviet power in the Perm province]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 432 p.
66. *PermGASPI*, f. 90, op. 17, d. 39.
67. *PermGASPI*, f. 90, op. 17, d. 42.
68. *TsDOO SO*, f. 41, op. 2, d. 399.
69. *TsDOO SO*, f. 41, op. 2, d. 375.
70. Izvestiia Orskogo Soveta Rabochikh, Krest'ianskikh i Kazach'ikh Deputatov [News of the Orsk Soviet of Workers, Peasants and Cossacks Deputies]. Orsk, 1918, 14 avgusta.
71. *Orenburgskii kraj*. Orenburg, 1918, 2 oktiabria.
72. *OGA OO*, f. 7924, op. 1, d. 189.